

ПРОВЕДЕНИЕ ЭСЕРОВСКОЙ ЭМИГРАЦИЕЙ ПРОТЕСТНОЙ КАМПАНИИ В ЕВРОПЕ НАКАНУНЕ И ВО ВРЕМЯ ПРОЦЕССА СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ В РОССИИ (8 июня – 7 августа 1922 г.)

«Если бы этого процесса не было, его следовало выдумать ради такого большого политического выступления против партии», – вот слова одного из лидеров социалистов-революционеров В. М. Чернова, услышанные секретным сотрудником берлинской резидентуры иностранного отдела (ИНО) ГПУ и переданные в Москву. В них нет преувеличения. Эсеровская эмиграция (при помощи меньшевиков) сумела развернуть грандиозную протестную кампанию в Западной Европе и поднять престиж ПСР. Последняя стала рассматриваться немалой частью западных социалистов как реальная сила в борьбе с «коммунистической угрозой» и экспансией Коминтерна, опасность которых начала только-только осознавать (в том числе и благодаря процессу социалистов-революционеров).

Безусловно, и эсеровские организации в самой России не взирали безучастно на вакханалию большевистской пропаганды. Как только стало известно о готовящемся процессе, все силы российских эсеров были брошены на контрпропаганду. Эсеры, а также и меньшевики пытались вести как устную агитацию (на митингах, устраиваемых по этому поводу властями), так и печатную (в нелегальных партийных газетах и листовках). Анализ эсеровских листовок, воззваний, газетных статей в нелегальной прессе свидетельствует о том, что, будучи написаны ярко, образно, они хлестко и зло били большевиков и по своему качеству явно превосходили пропагандистские «утки» своих противников¹.

Поставленные в слишком неравные условия в борьбе с правящим режимом, эсеры не могли выиграть битву за умы людей внутри России, но нанесли очевидное поражение большевистской системе за ее пределами. Документы свидетельствуют о тех широкомасштабных усилиях, которые приложили заграничные эсеры, организуя антибольшевистскую кампанию вокруг процесса. Она стала катализатором мощного протестного движения, охватившего на Западе разные слои общества

(прежде всего рабочее и социалистическое движение). Процесс 1922 г. временно сплотил все враждующие группы эсеровской эмиграции, выступившие, хотя и не без трений, единым фронтом. Ни до, ни после эсеровская эмиграция не действовала с таким единодушием и такой самоотдачей, что и позволило им организовать грандиозную международную кампанию в защиту подпольных эсеров. Эмиграция стала действовать в тот же день, как узнала о готовящемся процессе, что хорошо видно из доклада Е. Ф. Роговского 15 марта 1922 г. в Берлине на заседании заграничной делегации ПСР о шагах, предпринятых парижскими эсерами². Яркое представление о разворачивании эсерами контрпропагандистской кампании дает отчет комиссии по ведению кампании в связи с процессом от 29 апреля 1922 г., в котором говорилось: «Девятого числа было разослано по редакциям берлинских газет и передано в телеграфное агентство и разослано по 244 адресам краткое коммюнике о готовящемся насилии. [...] Десятого марта по вышеназванным адресам на трех языках было разослано воззвание – меморандум З[аграничной] Д[елегации] к “социалистическому миру”. Воззвание подробно указывало преступления советской власти, провокационные основания привлечения к суду наших товарищей и оканчивалось призывом к социалистическому миру требовать суда трех интернационалов, разосланное почти во все уголки Западной Европы и Америки; означенное воззвание в выписках появилось в социалистической прессе почти всего мира.

Четырнадцатого марта была послана циркулярная телеграмма на трех языках по 73 адресам о немедленном вмешательстве. Означенная телеграмма вызвала бурю негодования против насилия Москвы и появилась почти во всей социалистической прессе Европы. Параллельно циркулярной телеграмме на имя групп содействия и отдельных товарищей предлагалось систематически получаемые

телеграммы передавать по социалистическим центрам и постоянно держать в напряжении социалистическую прессу по поводу поднятой кампании (здесь и далее выделено нами. – К. М.)»³.

Эту бурную деятельность немедленно отразила в своих донесениях агентура ИНО ГПУ. Так, ссылаясь на резидентуру в Париже, руководитель отдела 31 марта 1922 г. сообщал в СО ГПУ: «На этих днях Керенский и Минор послали следующую телеграмму: НАНСЕНУ Женева 20 марта, в Москве будут судиться 47 социал-революционеров, большинство из которых наши старые друзья по борьбе с царизмом. Принимая во внимание Ваш высокий моральный авторитет, просим Вас во имя гуманности вступить чтобы избежать непоправимого результата. Керенский, Минор»⁴.

Берлинская резидентура ИНО ГПУ 31 марта 1922 г. сообщала в Москву: «Чернов о процессе ЦК ПСР высказался 19-3 * следующим образом: **Это первое выступление партии за границей. – Весь мир поднят против большевиков. Если бы этого процесса не было, его следовало выдумать ради такого большого политического выступления против партии. Процесс отложен, значит, мировая победа одержана. – Возможно, что этот процесс будет началом конца большевистской власти. – Одно из последних писем из Москвы полученных от Г. Покровского, случайно оставшегося на свободе, указывает, что там зашевелились, что идет подготовка к чему-то большому и важному.** 20-3 Чернов имел длительное свидание с Церетели.

22-3 Чернов посетил редактора Форверта и совещался с ним по поводу агитации против процесса.

В Италии всю закулисную работу кампании протеста против процесса ведет сын Г. Шрейдера.

Близкое участие в юридической стороне подготовляемого процесса принимает О. Грузенберг.

До сих пор затрачено на кампан[ию] по поводу протеста 9.000.000 м[аро]к. Делегация приняла конкретные шаги для создания так называем[ого] суда из представителей всех трех интернационалов. Сухомлин находится в Вене, где ведет переговоры по этому поводу»⁵.

Восьмого июня 1922 г. от берлинской резидентуры ОГПУ в Москву поступила копия письма к В. М. Зензинову «от неустановленного эсера» Бори. Судя по надписи «Берлин. Го-

лос России. 20 мая 1922 г.» и контекста, оно было написано уехавшему в командировку В. М. Зензинову кем-то из его берлинских товарищей. Из письма видна роль, которую сыграли меньшевики при совместной встрече в Берлине верхушки эсеров, меньшевиков с немецкими социалистами, отъезжавшими на процесс в качестве защитников: «В два часа собралась все. Присутствовали Мартов и Дан. [...] На заседании была прочтена новая прокламация Коминтерна, заявляющая, что процесс должен быть процессом политическим, что на этом процессе нужно выяснить и заклеить роль социалистов-революционеров и меньшевиков в их попытке сорвать мировую революцию. Виляния и метания большевиков все больше и больше подзадоривают наших половинчатых немцев. Сейчас они очень хорошо настроены, хотя и боятся и не хотят разбирательства в политической плоскости в глубинах, несомненно чувствуя, что от этого им не убежать несмотря на все их намерения и категорические заявления, что защита должна протестовать против такой постановки вопроса. Я очень был доволен присутствием меньшевиков, им немцы как будто более верят, а Мартов дал много разъяснений, предупреждая от всяких большевистских козней, от лишней доверчивости с большевиками и т. д. Розенфельд очень внимательно слушал и все время говорил – дас ист зеер рихтиг»⁶.

Следует отметить, что участвовали в этой европейской кампании прежде всего социалистические партии, профсоюзы и ряд известных общественных деятелей, ученых, писателей, а не буржуазные круги и правительства, как это утверждала советская пропаганда. На фоне ее громогласных утверждений об эсерах как о «буржуазных наймитах» любопытно замечание В. О. Фабриканта об отношении французских буржуа к эсерам. В своем письме Б. Н. Рабиновичу от 25 августа 1922 г. он, рассуждая о том, что написанную по итогам процесса брошюру известного меньшевика В. С. Войтинского «12 смертников» не следует раздавать даром, так как это отпугнет французских рабочих, которую смотрят на «даровую» литературу «как на рекламу и не читают ее», далее замечал: «Богачей, которые дали бы большую плату за такую брошюру, я не знаю, да таких и нет. Они ненавидят социалистов-революционеров, тех, которые являются последовательными социалистами (земля народу, социал[изация] земли, интернационал действенный и т. д.). А ведь 12 смертников, по мнению этих богачей, 12 раз заслужили смерть: **их ненавидят больше большевиков.** Поэтому раз навсегда надо оставить эту

* Здесь и далее: так в документе обозначены даты, в данном случае – 19 марта.

иллюзию богачей (так в тексте. – К. М.). Я говорю, конечно, не об исключениях, помогающих нам»⁷.

Основным источником моральной и финансовой поддержки для ПСР в организации антибольшевистской кампании вокруг процесса являлись социалистические партии. Так, 16 июля и 16 августа 1922 г. В. М. Зензинов отправил в ЦК Чехословацкой социал-демократической партии и ЦК Чехословацкой социалистической партии письма одинакового содержания: «Дорогие товарищи, настоящим подтверждаю получение от Вас через тов. Брушвита 5 000 ч[ехо]с[ло-вацких] крон, внесенных Вами на усиление кампании в пользу освобождения приговоренных по московскому процессу социалистов-революционеров. От имени нашей партии приношу Вам, дорогие товарищи, горячую благодарность за оказанную Вами братскую помощь»⁸. Деньги на контрагитацию эсеры получали также, торгуя открытками соответствующего содержания на многолюдных митингах протеста, которые проходили в Праге. В частности, корреспондент В. М. Зензинова, некий «Вано», в письме от 12 августа 1922 г. сообщал ему: «Твою вторую партию открыток распродал, этому содействовали митинги (русский и чешский), при входе на которые открытки продавались, и не хватило. Так как через несколько дней будет митинг Вандервельде (знаменитый социалист участвовал в процессе в качестве иностранного защитника лидеров ПСР. – К. М.), то открытки опять понадобятся, поэтому пришли еще 600 (по 300 каждой)»⁹. Выпускалось несколько серий открыток по 18–20 штук в каждой, на 5 языках (немецком, русском, французском, английском и чешском) общим тиражом в 45–50 тыс. экз. На каждой открытке вместо изображения был размещен небольшой печатный текст (10–12 строк петитом)¹⁰.

Развернув кампанию протеста против судилища, устроенного лидерами большевиков, заграничные эсеры действовали во всех направлениях: от инициации резолюций и писем протеста со стороны видных общественных фигур и политических партий до организации за границей протестных митингов. О том, что пражской колонии эсеров удалось широко поставить эту кампанию, сообщалось В. О. Фабриканту 2 сентября: «Митинги протеста идут по всей Праге и Чехии»¹¹. В свою очередь, 11 сентября 1922 г. В. О. Фабрикант писал из Парижа от имени местных эсеров в Прагу: «Завтра же обсудим и решим вопрос о митингах протеста. Здесь это труднее, чем у вас, но со своей стороны я сделаю все возможное»¹². О своих усилиях по организации митинга в

Париже В. О. Фабрикант сообщал далее в письме от 30 сентября 1922 г.: «Вчера вечером состоялось предварительное совещание представителей групп бывш. рос[сийских] социалист[ических] партий в Париже по вопросу об устройстве митинга протеста против москов[ского] приговора. Решено созвать представителей всех социалистических групп **иностранных** партий в Париже (англ., итал., американ., испанской, всех российских партий и т. д.) и устроить митинг коллективными усилиями»¹³. Небезынтересно, что инициатива этого митинга, по его словам, принадлежала меньшевикам¹⁴. Параллельно В. О. Фабрикант вел переговоры с секретарем «Ligue des Droits de l'Homme» об устройстве французского митинга протеста в Париже, инициатива которого принадлежала самой этой организации¹⁵. Впрочем, осторожный О. С. Минор весьма пессимистично оценивая перспективы публичных мероприятий в столице Франции в августе 1922 г. восклицал: «Здесь, в Париже, **теперь** нельзя устроить ни лекций, ни вечеров, ни митингов. Это просто невозможно: мы – капля в русском море сволочи. Здесь не Прага...»¹⁶

Вот как описывал митинг в поддержку осужденных эсеров в Праге 11 августа 1922 г. И. М. Брушвит в своем письме В. М. Зензинову: «Очень жалко, что Вы вчера не присутствовали на митинге. Было что-то уже давно в Праге невиданное. Народу было столько, что Большой зал Жофини не мог вместить всех, и почти такое число, какое было внутри зала, организовало митинг под открытым небом. Потом, несмотря на дождь и позднее время (9 час. вечера), собравшиеся пошли процессией на Староместскую площадь, где был митинг продолжен. На улице присоединялась публика в таком количестве, что площадь была почти переполнена. Все время шли с пением Чешского гимна и рабочих песен. Настроение было бурное против коммунистов, в особенности против Шмерала и Муна. В перерывах между пением раздавались возгласы вроде “долой с коммунистическими палачами”, “долой с Sibenicum Radom” (Smeral получил здесь прочный эпитет “Sibeniconi rada”, что по-немецки означает “Herr Galgen-Pati” – советник от виселицы). Возгласы подхватывались многочисленной публикой, которая стояла на тротуарах.

Знаете, дорогой, я давно не переживал таких минут: на исторической площади среди ночной тьмы стройное пение более чем десяти тысячной толпы, сердечные, проникнутые сознанием момента, вызывающие слезы у собравшихся, речи – это картина, которую давно

уже Прага не видела. Озлобление в массах против коммунистов было так велико, что часть по выходу из Острова бросилась к большевистской миссии и стоило большого труда их от этого шага удержать»¹⁷.

Другой корреспондент В. М. Зензинова так описывал события 11 августа 1922 г.: «Вчера, в малом зале Жофина в 5 час. был митинг протеста, народу было около 400 ч. Говорили представители соц. партии и Союза возрождения казачества, принята резолюция единогласно. В 7 ч. в большом зале Жофини состоялся митинг, устроенный обоими соц. партиями Ч[ехо]-С[ловакии], зал был переполнен, не поместившиеся открыли митинг в саду, где было тоже от 1½ – 2 000 ч., по окончании речей все собравшиеся продемонстрировали к памятнику Гуса, где еще раз выразили свой протест против крови и насилия. Подъем и настроение были чрезвычайные, мы с Л. Вас. чувствовали себя компенсированными за все пережитое; искренность чувства демонстрантов умиляла и трогала»¹⁸.

В протестной кампании участвовали видные научные и общественные фигуры Франции и Германии, что отчасти стало заслугой эсеров-эмигрантов, нашедших верную технологию сбора подписей под протестами. Об этом можно судить по немецким текстам типового содержания, с которыми эсеры и меньшевики обращались к намеченным заранее лицам. В Германии такие протесты подписали Альберт Эйнштейн, Г. фон Герлах, Эрнст Федер, главный редактор «Парламентскорреспондент» центра доктор Фортман, член рейхстага доктор Рудольф Гильфердинг, доктор Пауль Натан, бывший министр профессор Гуго Прейс, главный редактор «Форвертса» Фридрих Штамперер, редактор «Берлинер Фольксцайтунг» Карл Феттер, редактор «Франкфуртер Цайтунг» доктор Б. Гутман, Габриеле Рейтер, Бернгардт Кемлерман, Феликс Либерман, профессор Алоиз Риль, доктор Рудольф Брейтшейд, Г. Зудерман, Г. Штребель, И. Сассенбах и др. Во Франции протесты подписали многие профессора Сорбонны: А. Олар, Р. Шнейдер, Анри Озер, П. Леви-Брюль, Л. Брунвиг, Виктор Баги, Ш. Сеньобос, а кроме того Поль Пенлевэ, А. Мельэ, Эмиль Борель, Аллеман, Ксавье Леон, Шарль Жид, Эмель Терквям, Ж. Адамар, Анри Леви-Брюль, П. Альфандери, Жанна П. Альфандери, доктор Марсель Леви-Брюль, Ж. Бруншвиг и многие другие¹⁹.

Слитный хор социалистических организаций и партий, а также Второго и Венского Интернационалов, профсоюзов и видных авторитетных общественных деятелей, писателей, ученых, безусловно, стал мощной силой, с ко-

торой были вынуждены считаться и советское руководство (от руководителей Коминтерна до дипломатов), и местные коммунистические и прокоммунистические организации, чувствовавшие себя в такой атмосфере весьма неудобно. В данной связи представляется неслучайным, что руководители Коминтерна и советского внешнеполитического ведомства и в эти и в последующие годы выступали сторонниками более мягких мер в отношении преследуемых режимом российских социалистов, так как более суровые меры рикошетом били и по названным структурам. Несомненно, мощная кампания поддержки судимых эсеров стала неприятным сюрпризом для большевиков и имела для них весьма серьезные последствия: она ломала их имидж, разоблачая их как палачей (к тому же не стыдящихся своего палачества), наносила мощный удар по европейским коммунистам и всем просоветски настроенным элементам (часть из них оказалась вынуждена даже присоединить свой голос к хору протестующих). Именно тогда и начинает формироваться мнение о несовместимости коммунизма и демократии, неприятие практики подавления коммунистами инакомыслия, где и как бы оно ни проявлялось. В таком контексте становится понятным совершенно неожиданное переплетение в глазах французской общественности двух, казалось бы, совершенно разных карательных мероприятий большевистской власти – против эсеров и против церкви, о чем свидетельствует письмо В. О. Фабриканта пражским эсерам от 11 сентября 1922 г.: «**Меня настоятельно просят дать на французском языке сводку сведений о гонениях и расстрелах русского духовенства** для энергичнейшей кампании по этому поводу в прессе. Непременно и **не откладывая** пришлите мне эту сводку. Это облегчит нашу кампанию в пользу москвичей»²⁰.

Роль, которую сыграла эсеровская эмиграция (при помощи меньшевиков, о чем писалось выше) в развертывании антипроцессной кампании в Европе, трудно переоценить, равно как и ту роль, которую она сыграла при вынесении приговора подсудимым.

В докладе заграничной делегации ПСР, сделанного 1 апреля 1923 г. для Бюро Международного социалистического Интернационала говорилось: «Почти весь характер работы Делегации в 1922 г. определился известным московским процессом, который был для партии не узкопартийным делом, но борьбой против всего коммунистического террора и режима. Так понимали этот процесс наши товарищи на суде, так понимала его и Заграничная Делегация. Поэтому вся кампания в связи с

процессом была поставлена в широком международном масштабе»²¹.

Анализируя в целом антибольшевистскую протестную кампанию, охватившую Западную и Центральную Европу, можно сделать следующие выводы. Во-первых, именно тогда, во многом благодаря процессу над эсерами, в европейских демократических и социалистических кругах взамен романтизированного представления о смелых социальных экспериментах «первого в мире государства рабочих и крестьян» утвердилось более адекватное представление о недемократичности советского режима и правовом нигилизме его руководителей. Во-вторых, европейские социалистические партии получили (при помощи эсеров и меньшевиков) прекрасную возможность дать хороший бой как Коминтерну в целом, так и своим собственным национальным компартиям. Удар по их авторитету оказался столь весомым, что это позволило притормозить рост коммунистического движения в большинстве европейских стран и укрепить позиции обоих социалистических Интернационалов. В-третьих, были осложнены отношения советского государства с европейскими. В-четвертых, вместо желаемой дискредитации эсеров (и меньшевиков), большевики получили прямо обратный результат – рост известности и авторитета своих противников в некоммунистических слоях рабочего класса, в демократических и социалистических кругах Европы. В-пятых,

эсеры и меньшевики заняли вполне достойное место среди европейских социалистических партий, рассматривавших их отнюдь не как «бедных родственников», а как надежных и опытных союзников в борьбе с «коммунистической экспансией».

Материал поступил в редколлегию 24.11.2005

¹ См.: Судебный процесс социалистов-революционеров 1922 г.: Подготовка. Проведение. Итоги. 1922–1924. М., 2002. С. 321, 341–351, 356–359.

² Там же. С. 474–477.

³ Там же. С. 479–482.

⁴ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 63. Л. 67.

⁵ Там же. Л. 68.

⁶ «Das ist sehr richtig» («Это совершенно верно»). Там же. Л. 163, 163 об.

⁷ ГАРФ. Ф. 6772. Оп. 1. Д. 3. Л. 15 об.

⁸ Там же. Д. 2. Л. 17, 18.

⁹ Там же. Л. 21.

¹⁰ Там же. Д. 12. Л. 17.

¹¹ Там же. Д. 3. Л. 11.

¹² Там же. Л. 2.

¹³ Там же. Л. 12.

¹⁴ Там же. Л. 17.

¹⁵ Там же. Л. 13, 17.

¹⁶ Там же. Л. 21 об.

¹⁷ Там же. Д. 2. Л. 19 об. – 20 об.

¹⁸ Там же. Л. 21–21 об.

¹⁹ Там же. С. 90–91.

²⁰ Там же. Д. 3. Л. 2.

²¹ Судебный процесс социалистов-революционеров... С. 594.